

ИНТЕРВЬЮ

«ДНЕВНИК КОСТИ РЯБЦЕВА» В ОТЗЫВАХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Первое полное книжное издание «Дневника Кости Рябцева» появилось в 1927 г. Его одновременно издали «Молодая гвардия» в Москве и «ГИЗ» в Ленинграде. До начала 1930-х гг. повесть переиздавалась регулярно. В 1932 г. она в последний раз вышла отдельной книгой, в 1933 г. появилась как часть трилогии о Косте Рябцеве в книге «Начало жизни: Литературная композиция».

После этого «Дневник...» исчез из издательских планов надолго. Следующее советское переиздание состоялось в 1966 г. Повесть предваряло предисловие Льва Кассиля. От ранних изданий книга отличалась наличием последней главы «Разбойничий форпост» (в 1920-х гг. она печаталась отдельно) и некоторыми цензурными купюрами (опущен текст бумаги из СПОНа, в которой говорится об онанизме).

Последний раз в Советском Союзе книга вышла в 1989 г. в издательстве «Советская Россия».

Именно поздним советским переизданиям посвящен приведенный ниже опрос. «Детские чтения» попытались узнать, как долгий, более чем тридцатилетний, разрыв с читателем сказался на восприятии повести. Н. Огнев писал «Дневник...» по горячим следам школьной и общественной жизни середины 1920-х гг. Нас интересовало, какие темы, проблемы и приемы, использованные в повести, сохранили свое значение, а какие потеряли или обрели новое. В фильме «Наше призвание» 1981 г., снятом по мотивам «Дневника...», режиссер Геннадий Полока представляет Костю Рябцева пенсионером, вспоминающим свою юность. Для поколения 1970–1980-х гг. Костя был уже «дедушкой». С поколением 1990–2000-х гг. разрыв усиливался — не только количеством прошедших лет, но и сменой общественной парадигмы.

«Детским чтениям» хотелось показать разницу в восприятии повести позднесоветским и постсоветским читателем.

Все респонденты читали «Дневник Кости Рябцева» в детском или юношеском возрасте. Мы просили их описать путь, которым к ним попадала книга, свои впечатления от повести и самые яркие, запомнившиеся моменты.

Константин Поливанов, филолог, PhD, профессор
(годы чтения: 1969–1973 гг.)

Первый раз эта книжка попала мне в руки примерно в 1969 г. Трудно сейчас отчетливо отделить первые чтения от последующих (думаю, что последнее чтение относится году к 1973). Я имел обыкновение читать книжки по несколько раз: так читал и «Трех мушкетеров», и «Давида Копперфильда», и «Войну и мир». Кажется, между тринадцатью и шестнадцатью я прочел «Сагу о Фортсайтах» трижды. Соответственно первое чтение «Дневника...» было в девять-десять лет, последнее в двенадцать-тринадцать. Потом уже, не возвращаясь к книге, я стал считать, что она как-то уж чрезмерно «советская», при том, что у меня не было твердого понимания того, что такое — «советская». Мне сейчас кажется, что уже и при первом чтении мне были интересны вопросы отношений с противоположным полом, с одной стороны, и что-то совсем не похожее на привычное для меня тогда в описании отношений мальчика и взрослых, с другой.

Чем книжка меня привлекла? Мне нравились, видимо, истории о школьниках и о незнакомых эпохах (я не то чтобы отчетливо тогда соотносил, но мне было понятно, что это не совсем о том времени, о котором я читал «Республику ШКИД» Пантелева и Белых). Я спрашивал родителей о каких-то непонятных мне в книжке деталях, но спрашивал вполне «точно», получал ответы, а не подробный ответ, не пытался специально узнавать, что это была за эпоха и как там все было устроено. Мне был интересен язык школьников, деление школы на ступени, наверное, было интересно и ощущение, что чего-то я не понимаю совсем.

Елена Романичева, кандидат педагогических наук, доцент,
главный научный сотрудник Института системных проектов
МГПУ
(годы чтения: 1972–1973 гг.)

Я не помню, сколько мне было лет, когда я прочла «Дневник Кости Рябцева». Думаю, что лет одиннадцать-двенадцать, не больше. Детская библиотека, куда я в течение нескольких лет ходила,

закрывалась: в связи с реконструкцией Таганки и ее окрестностей сносили малоэтажные здания, в одном из таких и располагалась библиотека. Перед закрытием библиотекари «открыли фонд» для своих читателей: я нашла книжку и за вечер проглотила.

Читала с огромным интересом: в первую очередь заинтересовал не герой, а описанное в книге время и школьные события. Незадолго до этого мне, как проверенному читателю (книг не теряла, все возвращала во время), выдали распадающуюся на листочки «Республику ШКИД», и «Дневник...» пошел, что называется, в панда.

Из книги мне запомнилось какое-то ощущение новизны и точного попадания. Но через два дня позвонили из библиотеки и попросили срочно сдать: она закрывалась окончательно, нужно было паковать фонд. Так что был просто промельк книжки.

Больше она мне не попадалась: у друзей не было, в библиотеке ЗИЛа тоже, в сельской внуковской библиотеке, куда я ходила летом, она была, по словам библиотекарши, зачитана «нерадивыми дачниками». Только помню разговор с подругой-одноклассницей, которой книжку дал кто-то из друзей, и ее реплику: «Ты что? Это же читается как собственный дневник!»

Ольга Фикс, медсестра, литератор
(год чтения: 1979 г.)

У нас дома было издание 1966 г. В библиотеку отца эта книга могла попасть от Льва Кассиля: они с отцом одновременно работали в Литинституте, и Кассиль, написавший к переизданию предисловие, скорее всего, ее подарил.

Книга мне точно понравилась, я любила читать про всякие школьные эксперименты: про школу-коммуна у Шарова («Маленькие становятся большими»), про «Кондуит и Швамбранию». Кроме того, это было редкое для тех лет произведение, где говорилось о подростковом сексе и упоминался онанизм. Важно, что не о любви, а именно о сексе.

Для меня это была одна из первых книг, где правдиво и честно пытались рассказать о подростковом смятении. Внутренний мир Кости мне запомнился больше внешних обстоятельств. Помню вечеринки, где ребята тайком выпивали и тискались с девчонками. И как Костя с изумлением узнал, что некоторые не только тискались.

Мне было лет четырнадцать-пятнадцать, но жизнь у меня была в чем-то уже довольно взрослая, как у многих в этом возрасте:

не в смысле реальной половой жизни, но всяких желаний, попыток разобраться во взрослых отношениях, периодически накатывающей тоски. Чувство, что в школе все это табуировано, мешало говорить об этом даже между собой. В те же годы вышла книжка Майи Фроловой «Современная девчонка» о послевоенном Львове. Она гораздо хуже написана, чем «Дневник...», но в ней тоже было о сексе. Других таких книг и не припомню. В литературе все школьники от первого до десятого класса были одинаково бесполое, и проблемы у них в любом возрасте были одинаковые: учеба, бедность-богатство соучеников, ссоры из-за места в классной иерархии, и, изредка, любовь — но тогда уж чистая и на всю жизнь. Ты на этом фоне чувствовал себя каким-то особенно грязным и неправильным. А Костя был живой. И такой лапоть немножко: вокруг жизнь, секреты, а он столько не знает, и не понимает.

Со школой годов застоя, довольно казенной и жесткой, школу Кости Рябцева и сравнивать было нечего. Правда, 1970–1980-е гг. в каком-то смысле тоже были переломными. Я помню, что в 1975–1976 гг. невозможно было прийти в школу без галстука, тем более не в форме. А уже в 1977–1978 гг. галстуки в седьмом-восьмом классе носили лишь в торжественные дни, и то по желанию. И все обряды — смотры строя, сборы металлолома — исчезли, рассосались, то есть вроде и были, но уже необязательны. Учителя, конечно, были сбиты с толку, но не настолько, чтобы перестать учить. Престиж образования и дипломов был еще очень высок. И именно здесь ощущалась разница с Костиной ситуацией: для Кости очевидно, что политика важнее учебы. Большинство людей вокруг него не имеет высшего образования. А вот политическое самоопределение принципиально важно. Мы же им где-то завидовали, этим революционерам 1920-х. Вокруг Кости и его сверстников мир так стремительно менялся, что верилось, что все возможно, надо только потрудиться и потерпеть. А мы ни во что, кроме самих себя не верили.

При всей неустойчивости и ранимости, Костя произвел на меня впечатление человека абсолютно уверенного в своем праве быть самим собой, и он действительно верил, что они с учителями в чем-то равны — ну хотя бы том смысле, что ученики тоже люди. Он их не боялся. В повести ощущалась его внутренняя свобода. У нас было не так. Учителям ничего не стоило испортить нам жизнь.

Илья Бернштейн, издатель
(год чтения: начало 1980-х гг.)

В нашей домашней библиотеке было одно из первых изданий, на обложке — Костя с сигаркой. Эту повесть я читал много раз, начиная лет с 12–13, она мне нравилась. Я вообще любил про школу и подростков: «Кондуит и Швамбранию» Кассиля, «Дорога уходит вдаль» Бруштейн... Помню, что слова «онанист» и «педераст» я впервые прочел именно в Косте, и удивился, что они так странно пишутся. Про онаниста, кстати, отпечаталось глубоко: сильно позже, читая издание 1960-х гг., я сразу заметил, что этот сюжет убрали. Хотя я не уверен, что в «Дневнике...» меня занимала сексуальная сторона. Скорее мне нравилось, в нем то, что он отличался формой: монтаж, стенгазеты и тому подобное. Я хорошо запомнил дневник Сильвы — он казался более настоящим, чем Костин.

Даже и в младшей школе, я был диссидент, антисоветчик, так что вся советская риторика и культура в моем кругу воспринималась полярным в сравнении с Костиным способом. Но его подростковые проблемы мне были понятны. Футбол, как и у Кости, занимал в моей жизни большое место — большее, чем чтение. И, как и в его школе, у нас были подпольные газеты, было и тайное общество ОЗУПТВСГЭПУ (Общество защиты ущемленных прав трудящихся в странах, где эти права ущемляются). Да, вот еще что: именно из «Дневника Кости Рябцева» я узнал сюжет Гамлета. Так до сих пор его и представляю: Гамлет шьется с Офелией и кричит как сумасшедший «Оленья ранили стрелой!!»

Татьяна Сигалова, писатель, переводчик, филолог
(год чтения: начало 1980-х гг.)

В первый раз я прочитала эту книгу, когда мне было лет тринадцать. Она была в нашей домашней библиотеке (издание 1966 г, в зеленой обложке). Мне ее посоветовал отец. Он сказал, что это очень остроумная книга и зачитал вслух кусочек о том, как Зинаидища в классе разбирает сочинения по «Евгению Онегину». Книга меня не разочаровала. Мне понравился яркий, неприглаженный язык повести, молодежный жаргон того времени; интересно было читать о реалиях, особенно о школьных нововведениях (Дальтон-план и пр.). Неожиданными были вставки — школьная газета, журнальные рассказы. И, конечно, то, как в повести смело описан «половой вопрос», в отличие от ханжеского замалчивания

этой темы или осуждения «разврата» в советской литературе более позднего времени.

Костя мной воспринимался как вполне актуальный герой, — в отличие, например, от Васька Трубачева, который казался жутко старомодным. Хотя по своим политическим взглядам Костя отличался от нас разительно: он искренне верил в коммунистическое будущее. А пионеры и комсомольцы 1980-х на сборах дружно рапортовали о перевыполнении плана по макулатуре, а в кулуарах рассказывали анекдоты о Брежневе и Андропове.

Потом в читальном зале библиотеки Тартуского университета я прочитала и вторую часть повести — ту, что была запрещена в СССР, «Костя Рябцев в вузе». Но она показалась мне бледнее.

Ирина Шостаковская, поэт
(годы чтения: 1990–1991 г.)

Я увидела «Дневник Кости Рябцева» в магазине, когда мне было лет 10. Просто заглянула в середину и поняла, что это интересно. Но бабушка испугалась и не купила книгу — «слишком взрослая». Может, она читала ее раньше. Потом я встретила «Дневник...» уже лет в двенадцать-тринадцать. Я переехала от бабушки к родителям, и оказалось, что у отца она есть. У меня осталось впечатление зависти ко времени, когда можно было так просто быть самостоятельным. На самом деле не самая главная книга оказалась, но ничего. У меня в голове осталась оттуда одна цитата на удобный случай: «По мнению “Икса” — никогда». Там школьное самоуправление сравнивается со сказкой про «Репку»: они его тянут-потянут и спрашивается, когда же уже вытянут? Так вот, «по мнению “Икса” — никогда». Еще помню стремный рассказ про аборт: запомнила его как какой-то серьезный конфликт, до которого я в свои 13 еще не выросла. То есть для меня там не в аборте было дело, а в напряженных отношениях.

Евгения Риц, поэт, литературный критик
(год чтения: 1992 г.)

Мне было лет пятнадцать, и эта книга мне приглянулась в магазине «Букинист». Имя Н. Огнев было совершенно незнакомым. Скорее всего, я поняла, что это хорошая повесть, просто открыв и начав читать. Меня очень удивило, что я ничего про эту книжку не слышала: с первой страницы было понятно, что она должна была быть культовой у советских школьников, примерно как «Витя

Малеев в школе и дома» (это чувствовалось, в том числе, и по оформлению книжки).

Сначала было ощущение, что я для нее уже слишком большая, но раз вовремя не попала, пусть так. И конечно, книжка воспринималась как «советская». При этом очень понравилась. Самым важным было не про мироощущение героев — моих ровесников, а весь этот историко-педагогический контекст, то, что она очень познавательная. Как ни странно, одно из самых ярких воспоминаний — что там было написано «буцы» вместо «бутсы». И, конечно, «шкрабы». Удивительным казался факт их существования в истории советской школы, где к учителям, казалось бы, такой пиетет.

Лариса Романовская, детская писательница

(год чтения: 1994 г.)

Книга попала ко мне лет в четырнадцать. Насколько я помню, зацепила словом «шкраб» и выражением про какой-то совет, что это организация «на шкрабьих костылях». Текст воспринимался как дополнение к «Республике ШКИД», «Двум капитанам» и «Кортику» — «Выстрелу» — «Бронзовой птице», то есть к более знакомым книгам, где действие происходило в те же годы. Но книгу я больше не перечитывала, видимо, Костя Рябцев был для меня «представителем своей эпохи», и не более.

Ольга Балытникова-Ракитянская, антрополог, переводчик

(год чтения: 1999 г.)

Книга попала мне в руки в мои пятнадцать, через библиотеку университета UNISA (University of South Africa), где работал мой папа. Он физик, но в университете была кафедра русистики, и в библиотеке имелось много книг на русском языке, в основном из СССР, 1940–1960-х гг. издания (когда были более-менее нормальные отношения между странами).

Книга, с одной стороны, понравилась, потому что написана интересно и без сюсюканья, про моего тогдашнего ровесника, который к тому же живет в совершенно ином мире, чем я. С другой — были вещи, которые вызвали настоящее отвращение. Во-первых, то, как грязно там говорится об отношениях мужчины и женщины. В моей семье никогда не было ханжества, все называлось своими именами открыто, в том числе и физиология между женщиной и женщиной, но с грязью это не имело ничего общего, наоборот, во всем была красота и чистота, любовь без деления на «духовную

возвышенность» и «физиологическую низость». Все было высоко и гармонично (во всяком случае, именно такое восприятие нам с сестрами прививалось). А тут... Видимо, это было свойство той эпохи, 1920-х гг. Во-вторых, многовато показалось коммунистической пропаганды — но это ладно, можно было просто пролистывать. В-третьих, поразило описание вполне легального медицинского аборта: мне кажется, автор хотел пропагандировать аборт, но получилось у него наоборот, антиабортная пропаганда, потому что все так страшно описано, что сразу возникает мысль «да лучше бы уж родила и отдала в детский дом, чем такая пытка». Понятно, что это снова реалии медицины 1920-х, но впечатление засело в мозгу прочно. Герою в целом я скорее сочувствовала, хотя местами он казался хамоватым. Зато видно, что неглупый, честный, пытается разобраться в себе, читает книги, защищает девушек. Очень раздражала при этом его подруга Сильва (так, кажется?): прямо Мальвина какая-то, так же задается и считает себя круче всех, хотя оснований вроде бы к тому и нет, презирает собственную мать, хотя за той нет никаких грехов, кроме недостаточной преданности идеалам революции. Замечу, книгу с тех пор не перечитывала, это все впечатления пятнадцатилетнего человека. Книга действительно казалась непохожей на другие — именно тем, что без сюсюканья и нравочений, как часто бывает в книгах для подростков.

Ксения Чарыева, поэт, свободный художник
(год чтения: 2003 г.)

Для меня это была особая книжка, в первую очередь, потому, что я как будто учила новый язык, пока ее читала (лет в 12), причем такой, о котором только самому можно догадаться. Ух как я ликовала, когда видела новое упоминание слова, в значении которого сомневалась. Помню, понимание слова «буза» у меня раз десять менялось и дополнялось. Конечно, очень важно было, что это дневник, я с детства обожала всякие дневники, и чем откровеннее тем лучше. Степень откровенности этого дневника мне очень нравилась, и очень захватывало, как на уровне языка передано ощущение постыдности связанных с половым созреванием вещей. Книга как бы всегда твой секрет, в каком-то смысле, а тут получалось, что и книга мой секрет, и у меня общий секрет с этой книгой, это была максимально, что ли, горизонтальная связь. Все вставки, которые там были — и про диалектику, и про аборт —

потрясли меня совершенно. Я сама постоянно читала газеты, особенно криминальную хронику. Такой красотищи там и близко не было. Поскольку мой любимый член семьи — дед — был коммунистом, и я много чего знала про марксизм-ленинизм и читала всякое про пионеров и комсомол, то тема идеологии меня тоже ужасно в этой книге волновала. В ней те принципы, которые мне было совершенно некуда приложить так, чтобы они не смотрелись как бубен в операционной, жили и двигали какие-то одновременно огромные и повседневные микропроцессы, внешне похожие отчасти на то, чем я сама жила. Ну и, безусловно, я этой книге верила, любила героев и разочаровывалась. И, соответственно, кучу всего пересматривала, сомневалась. Сейчас понимаю, что вот как раз уже с истории про язык начинается это сомнение, и это очень круто. Что все время надо разбираться дальше, и дальше, и дальше. Это, наверное, одна из самых событийно насыщенных, почти детективных книг о взрослении, что я читала.

*Материал подготовлен
Ольгой Виноградовой*